

**К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ
БЕЛОРУССКОЙ ШЛЯХТЫ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

**THE QUESTION OF LAND TENURE AND LAND USE
OF BELARUSIAN GENTRY AT THE END OF THE XVIII –
FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

В статье рассматриваются формы землевладения и землепользования белорусской шляхты в конце XVIII – первой половине XIX в. Автор выясняет динамику в распределении земельной собственности и помещичьих крестьян среди разных категорий землевладельцев; определяет «волны» конфискаций недвижимых имений, осуществленные российским правительством.

Ключевые слова: шляхта, Российская империя, белорусские губернии, землевладение, землепользование.

The forms of land tenure and land use of Belarusian gentry at the end of the XVIII – the first half of the XIX century are examined in the article. The author clarifies the dynamics in the distribution of land property and serfs among different categories of landowners; defines the «waves» of confiscation of immovable estates, carried out by the Russian government.

Keywords: gentry, Russian Empire, Belarusian provinces, land tenure, land use.

Основной формой земельной собственности на белорусских землях в конце XVIII – первой половине XIX в. была вотчина, которая являлась безусловной частной феодальной собственностью. Всеобщего принципа майората в Великом Княжестве Литовском не существовало. Однако допускалось признание за отдельными земельными владениями майоратных прав. Эти владения назывались ординациями. Они не могли быть объектом купли-продажи, дарения. Для них был установлен особый порядок наследования. Ординации препятствовали обороту земельными владениями, их переходу в руки предпринимательской средней шляхты. В конце XVIII в., удельный вес только несвижской ординации Радзивиллов составлял 3,9 % всей частновладельческой собственности Беларуси [1, с. 17].

Наряду с вотчинной собственностью имелись два небольших по удельному весу вида владений, которые являлись собственностью феодалов, разделенной с государством. Это ленные и поиезуитские владения.

Лены жаловались пожизненно или навечно. Владелец лена обязан был служить в шляхетском ополчении. «Вечноленные» земли наследовались, но только мужскими потомками по прямой линии. Четырехлетний сейм все ленные владения превратил в собственные (1791 г.). Тем не менее, поскольку реформы этого сейма были отменены в 1793 г., ленные владения в Беларуси формально сохранились [1, с. 14–15]. Фактически на протяжении первой трети XIX в. российское правительство признало ленные владения вотчинными.

Другим видом собственности, разделенной с государством, были так называемые поиезуитские имения, которые перешли в наследственное владение магнатов

и шляхты западной и центральной Беларуси после секуляризации земель ордена в 1773 г. Ограничение прав новых владельцев сводилось к уплате постоянной ренты на нужды просвещения в размере 4,5 % оценочной стоимости. Как в Речи Посполитой, так и в Российской империи в случае не поступления платежей эти имения могли быть отобраны в казну [1, с. 16].

Характерной чертой аграрного строя Беларуси в XVIII в. было широкое распространение владения и пользования несобственными землями, именуемое в документах «посессией». Посессия имела несколько форм: служебное владение, пожизненное управление, безвозмездное пожизненное владение, аренда и залог [1, с. 19].

Под служебным понимается владение имениями в связи с занимаемой государственной должностью. Такое владение являлось заменой денежного жалованья. Под пожизненным управлением понималось владение королевскими землями, не связанное со служебными функциями. Передача имений и земли в пожизненное владение применялось не только в королевских владениях. Такая практика была широко распространена в имениях магнатов и шляхты. Согласно подсчетам П. Г. Козловского, из 143 имений Кароля Радзивилла, расположенных в Новогрудском уезде, к 1776 г. семь имений (5 %) находились в пожизненном владении [1, с. 20]. В числе пожизненных владельцев в магнатских вотчинах были родственники и слуги магнатов.

Аренда и залог — применялись как в частной, так и государственной и церковной земельной собственности. Условия пользования определялись договором, заключаемым сторонами. Залоговым или заставным, владением назывались земли, отданные за долг в обеспечении последнего. Доход, получаемый с такого имения, рассматривался обычно как процент от долговой суммы. Если залоговое имение по истечении договорного срока и льготного годового не выкупалось, то оно переходило в собственность кредитора.

В результате трех разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. Основа аграрного строя — феодальная земельная собственность — была в XVIII в. в России и в Речи Посполитой одинаковой. Многие институты земельного права были аналогичными, что облегчило процедуру унификации законов. После 1772 г. царское правительство подтвердило сословные права местного дворянства, и в первую очередь его право на земельную собственность, населенную крестьянами. Первое мероприятие царизма, отразившееся на землевладении, состояло в требовании принести присягу на верность Екатерине II. Присяга являлась непременным условием для сохранения прав на недвижимое имущество. Когда в 1772 г. ряд магнатов и представителей шляхты по разным обстоятельствам отказались это сделать, то их имения были взяты в секвестр. Однако царское правительство стремилось договориться с представителями высшего сословия. Часть секвестрованных владений вскоре вернули прежним владельцам. Окончательно в российскую казну перешли имения только четырех лиц: М. Огинского, К. Радзивилла, А. Чарторыского и М. Мнишека [9, с. 92].

Очередной виток конфискаций земельной собственности был направлен против участников восстания Т. Костюшко. Основная масса конфискованных имений оказалась в центральной части Беларуси, где в управление казны поступило 16 931 и оставалось в аренде 8310 крестьян мужского пола. Кроме того, в Минской губернии в казенное управление было передано 13 122 душ м.п. помещиков, находившихся за границей. В Могилевском и Полоцком наместничествах в казенный секвестр попали имения князя Сапеги и графа Потоя, в которых насчитывалось 31 355 ревизских душ. В Слонимской губернии и белорусских уездах (в современных границах Беларуси) Виленской губернии у девяти участников восстания были секвестрованы 2854 души м.п. [10, с. 19].

После поражения Наполеона на территории Беларуси для перехода в собственность казны была определено наибольшее количество имений за весь период применения

конфискаций. К началу 1814 г. своего имущества в Минской губернии должны были лишиться 76 человек (98 имений и 3 дома), в Гродненской – 11 (220 имений), Могилевской – 5 человек (9 земельных владений), в Опшмянском и Браславском уездах Виленской губернии – 14 человек и 13 имений. Однако в соответствии с манифестом от 30 августа 1814 г. все шляхтичи, перешедшие на сторону Наполеона, были прощены [9, с. 195].

Новая волна конфискаций была связана с подавлением восстания 1830–1831 гг. Без учета той собственности, которую возвратили амнистированным восставшим к 1837 г. в границах современной Беларуси было конфисковано: В Могилевской губернии – 1 имение, в белорусских уездах Витебской – 2, Опшмянском и Браславском уездах Виленской губернии – 21 земельное владение, в Минской 30 человек лишились 27 имений, а в Гродненской соответственно 56 лиц лишились 76 земельных владений и 4 домов [9, с. 198].

По неполным данным, по делу Шимона Конарского в 1838–1841 гг. на территории Беларуси секвестру была подвергнута собственность более 60 лиц. Окончательно в казну отобрали собственность у 7 человек [9, с. 200].

На основании исследований В.И. Мелешко, П.Г. Козловского, А.М. Лютото, Г.Н. Тумилович нами была подготовлена таблица, отражающая динамику в распределении земельной собственности и помещичьих крестьян среди разных категорий землевладельцев Беларуси на протяжении первой половины XIX в.

Таблица 1¹

Распределение земельной собственности и помещичьих крестьян среди категорий землевладельцев, в %

Категории владельцев	Конец XVIII в.		Середина XIX в.	
	Численность владельцев	Численность крестьян	Численность владельцев	Численность крестьян
Мельчайшие (до 21 души)	36.3	1.7	35.3	2.2
Мелкие (от 21 до 100 душ)	33.4	7.5	36.4	14.2
Средние (от 100 до 500 душ)	22.0	20.7	23.8	39.3
Крупные (от 501 до 1000 душ)	4.2	11.9	2.9	14.8
Крупнейшие (свыше 1000 душ)	4.1	58.2	1.6	29.5

Как видно из табл. 1 наиболее существенные изменения на протяжении рассматриваемого периода произошли в распределении удельного веса среднепоместного (его рост) и крупнейшего землевладения (уменьшение доли). Никаких заметных изменений в положении мельчайших землевладельцев не наблюдалось. Очевидно также увеличение численности мелких собственников, их землевладения

1. Табл. 1 составлена на основании [1, с.80–135; 4, с.101–103; 5, с. 178–240; 11, с. 58–59].

ИСТОРИЯ

и крепостных крестьян. Снизилась численность крупных помещиков, но удельный вес крепостных крестьян у них сохранился, даже несколько увеличился, а значит, землевладение возросло.

В табл. 1 не учтено мелкошляхетское владение, состоявшее, как правило, из одного дыма, без крепостных. По нашему мнению, мелкая шляхта, вовсе не имевшая земельной собственности или владевшая небольшими участками земли, но из-за отсутствия крепостных, вынужденная обрабатывать её самостоятельно или искать иные источники существования составляла в конце XVIII – первой трети XIX в. ок. 95 % всего высшего сословия на территории Беларуси [2, с. 32]. Выяснение вопроса о распределении земельной собственности в среде мелкой шляхты встречает ряд объективных трудностей. Во-первых, большинство представителей этой социальной группы владели небольшими долями-участками в шляхетских околицах. Переходы шляхты из имения в имение в поисках лучших условий аренды земли, передача собственных земельных участков в аренду на время службы приводили к сложному переплетению землевладения разных лиц внутри одного поселения. Во-вторых, численность сословия в рассматриваемый период была чрезвычайно велика и к 1816 г. составляла, по подсчетам, Г.Н. Тумилович около 196 тыс человек обоего пола [11, с. 91]. В-третьих, прояснению ситуации с распределением земельной собственности среди мелкой шляхты затрудняет состояние источниковой базы. В первой половине XIX в. в Российской империи отсутствовал систематический учет неподатных групп населения. Данные о шляхетском землевладении запрашивались по уездам не регулярно, выполнялись (или не выполнялись) с разной степенью ответственности, что часто целиком зависело от личности уездного предводителя дворянства.

В настоящей статье, на основании анализа списка шляхты Лепельского уезда Витебской губернии за 1819 г. [6] мы выяснили обеспеченность земель названной социальной группы. В список внесено 3426 человек обоего пола. Ранее автор статьи пришла к выводу, что абсолютное большинство шляхтичей Лепельского уезда занимались сельскохозяйственным трудом [3]. В данном контексте выяснение вопроса об обеспеченности шляхтичей землей имеет первостепенное значение. В представленной таблице количество земли приведено в волоках (одна волока составляла около 21,36 га или 19,4 десятин).

Таблица 2

Распределение земельной собственности среди шляхты
Лепельского уезда (1819 г.)

Наличие земли	Численность шляхты обоего пола, чел.	Численность шляхты, в %.	Количество земли (в волоках)	Среднее количество земли на одного человека
Собственной	452	13,2	135,5	0,3
По закладному праву	1025	29,9	209,2	0,2
Арендванной	1118	32,6	168,4	0,1
Не имеют земли	831	24,3	—	—
Итого	3426	100	—	—

Можно предположить, что наиболее благоприятными условиями существования в Лепельском уезде были у собственников земли, а также владельцев заставных земельных участков; в более сложной экономической ситуации находилась шляхта, арендовавшая землю, и, наконец, самым тяжелым являлось положение шляхты безземельной.

Содержание табл. 2 подтверждает высказанную гипотезу. Наиболее благоприятными в Лепельском уезде были условия существования шляхтичей-собственников земли. Менее обеспеченным выглядит положение шляхты, владевшей землей по закладному праву. Самым сложным было экономическое положение тех, кто арендовал, как правило, совсем не большие участки. Материальное благосостояние безземельных шляхтичей было очень разным. В этой группе оказались как наименее обеспеченные представители сословия, так и люди с довольно высоким доходом. В частности, о семье Петра Чеховича (5 человек) в документе сказано: «по бедности своей сидит кутом у своей кузинки» [6, л. 191–192]; вдовец Михаил Сатковский (56 лет) «кутом сидит» [6, л. 166–167]. Об Иване Чаевском (60 лет) записано: «ходит по разным местам» (возможно, нищенствует) [6, л. 191–192]. Вместе с тем, безземельным шляхтичем являлся, например, Иосиф Шулякевич (61 год), занимавший должность главноуправляющего всеми имениями крупного помещика Франца Селявы [6, л. 197–198].

Среднее количество земли, которое приходилось на одного шляхтича в Лепельском уезде, составило для собственников земли 0,3 волоки или ок. 6 десятин, для владельцев по закладному праву – 0,2 волоки или ок. 4 дес. и для арендаторов 2 – 0,1 волоки или примерно 2 дес. Сравним полученные данные со следующей статистической информацией. В результате реализации реформы 19 февраля 1861 г. бывшие помещичьи крестьяне получили в Витебской губернии в среднем на одну душу 4,26 дес. [12, с. 144–145]. Из содержания табл. 2 следует, что только 13,2 % лепельских шляхтичей были обеспечены землей лучше этого показателя.

Материальная обеспеченность лиц, занимающихся сельскохозяйственным трудом, зависит не только от количества земли, но и от производительности труда в отрасли. Чем выше производительность, тем в меньшем количестве земли нуждается крестьянин. В 1907 г., опираясь на существовавший уровень производительности труда в сельском хозяйстве, Комитет по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия Российской империи разработал «Расписание временных предельных норм количества земли на 1 двор, при покупке ее с содействием землеустроительных комиссий». Предлагаемая норма для Витебской губернии на начало XX в. составляла 13,5–16,5 дес. на двор (6–8 чел.), т.е. 2–2,5 дес. на человека [8, с. 10–12]. Члены комитета пояснили, что при определении норм руководствовались стремлением содействовать в приобретении такого количества земли, которое позволило бы крестьянам обеспечить свою семью питанием, жильем, одеждой, а также возможностью уплачивать необходимые платежи. Причем пригодность норм «проверена за последние годы практикой крестьянского банка, применявшего эти нормы при распродаже земель, купленных на собственный счет» [8, с. 11]. Из содержания табл. 2 следует, что именно рекомендуемое комитетом количество земли, а именно 2 десятины, как правило находилось в аренде у шляхтичей Лепельского уезда. И только 43 % шляхтичей уезда владели или пользовались земельными наделами большего размера.

По вопросу владения крепостными крестьянами отметим, что среди лепельских шляхтичей только у Степана Боуфала имелся в собственности один крестьянин, и тот находился в закладе у Франца Ленкевича [6, л. 6–7]. Последний имел по закладному праву имение Манившизну и 16 крепостных крестьян [6, л. 93–94]. Иван Цяпинский арендовал фольварок у Петра Обромпольского с 12 крестьянскими дворами [6, л. 188–

189], а Викентий Богданович имение с крестьянами в Полоцком уезде, численность которых в документе не указана [6, л. 14–15]. Все остальные шляхтичи Лепельского уезда крепостных крестьян не имели. Если дополнительно проанализировать сведения из списка дворян уезда за 1824 г. [7, л. 1–60], то становится ясно, что более 71 % представителей благородного сословия Лепельщины не имели в собственности или на арендном содержании крепостных крестьян. По подсчетам польской исследовательницы И. Сикорской-Кулеша аналогичный показатель по Минской губернии за 1816 г. был ещё выше: 88,1 % шляхтичей (включая крупных землевладельцев и безземельную шляхту) не имели подданных [13, с. 363].

Подводя итоги по землевладению шляхты Лепельского уезда по данным за 1819 г., можно сказать, что собственниками земли в уезде являлись 13,2 % шляхтичей, владели землей по закладному праву – 29,9 %, арендовали земельные участки – 32,6 % шляхтичей и 24,3 % совсем не имели земли.

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. основными формами дворянского землевладения и землепользования на территории Беларуси являлись: вотчинная собственность, так называемые поиезуитские имения, а также разнообразные формы посессии, включавшие безвозмездное пожизненное владение, пожизненное управление, аренду и залог. Широкий круг вопросов, касающихся сроков и времени заключения залоговых договоров, их условий, санкций в случае невыполнения договоренностей малоисследованны и нуждаются в дальнейшей разработке.

На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. российское самодержавие неоднократно прибегало к секвестру и конфискации земельной собственности в качестве мероприятий репрессивного характера. Они коснулись тех представителей высшего сословия Беларуси, которые отказались принести присягу Екатерине II, участвовали в восстаниях Т. Костюшки и 1830–1831 гг., являлись участниками тайных обществ и организаций патриотического характера. Однако непоследовательность в реализации названных мероприятий привела к значительному смягчению результатов репрессивной политики. Абсолютное доминирование в крае местных землевладельцев в первой половине XIX в. не было поколеблено.

Анализ землевладения шляхты Лепельского уезда Витебской губернии по данным за 1819 г. позволил выяснить, что абсолютное большинство лепельских шляхтичей (ок. 87 %) были обеспечены землей хуже средних показателей обеспечения землей крестьян Витебской губернии после отмены крепостного права. Более 24 % шляхтичей уезда вовсе не имели земли, ок. 33 % – арендовали участки земли размером ок. 2 десятин, что составляло своеобразный прожиточный минимум, позволявший покрывать лишь самые необходимые потребности в питании, жилье и одежде. Только 43 % шляхтичей Лепельского уезда владели количеством земли, превышавшим прожиточный минимум. Среднее количество земли, которое приходилось на одного шляхтича в Лепельском уезде, составило для собственников земли 0,3 волюки или ок. 6 десятин, для владельцев по закладному праву – 0,2 волюки или ок. 4 дес.

1. Козловский, П.Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в. / П.Г. Козловский. – Минск: Наука и техника, 1982. – 204 с.

2. Луговцова, С.Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук / С.Л. Луговцова. – Мн., 1999. – 134 с.

3. Луговцова С.Л. Лепельская шляхта: основные виды деятельности в первой трети XIX в. // Российские и славянские исследования: науч. сборник. Выпуск XI. / редкол: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2016. – С. 18–23.

4. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие Белоруссии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. К вопросу генезиса капитализма: Дис. ...доктора истор. наук: 07.00.02. / А.М. Лютый. – Минск, 1990. – 512 с.
5. Мелешко, В. И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII – XVIII вв.) / В. И. Мелешко. — Минск : Наука и техника, 1975. — 246 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–206.
7. НИАБ. – Ф. 2512. Оп. 1. Д. 129. Л. 1–60.
8. Прокопович, С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства / С.Н. Прокопович. – Москва : М. и С. Шабашниковы, 1912. – 223 с.
9. Радзюк, А. Эвалюцыя канфіскацыі як меры пакарання на беларускіх землях у другой палове XVIII – першай палове XIX ст. // *Białoruskie zeszyty historyczne*. – 2006. – № 25. – S. 190–201.
10. Сосна, У.А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. – Мн.: БДУ, 2000. – 115 с.
11. Тумилович, Г.Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. / Г.Н. Тумилович. – Минск, 1995. – 165 с.
12. Янсон, Ю. Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств : В 2 т. / Ю. Э. Янсон. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. – Т. 2 : Промышленность и торговля. – 662 с.
13. Sikorska-Kulesza, I. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX w. / I. Sikorska-Kulesza. – Pruszkow : Ajaks, 1995. – 113 s.